

**М.Н. МУРАВЬЕВ И БУАЛО
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РГБ)**

© 2019 г. А. Д. ИВИНСКИЙ

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а
ivinskij@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 15 января 2019 г.

Дата публикации: 30 апреля 2019 г.

**M. N. MURAVYEV AND BOILEAU
(ON THE DOCUMENTS FROM THE DEPARTMENT
OF MANUSCRIPTS OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY)**

© 2019 Alexander D. Ivinskij

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Received: January 15, 2019

Date of publication: April 30, 2019

Статья посвящена переводам М.Н. Муравьева из Н. Буало. Работа основана на рукописной “Записной книге” поэта, которая хранится в Отделе рукописей РГБ (Ф. 178. Н. 11161.1). В научный оборот вводятся девять неопубликованных текстов Муравьева: “Эпиграмма г. Буало” (“Ты говоришь, что врач твой дядя чрез леченье...”), “Эпиграмма против абб<ата>Котеня”, “Эпиграмма г. Буало на Акад<емию>франц<узскую>”, “Из Налоя. Пес<ня> II”, “Епистола к королю. Госп. Буало”, “Начало Буаловой речи к Королю”, “Жалоба на Тюльери из соч. Буаловых”, “Эпиграмма с латинского оригинала г. Буало”, “Блажен. Из Буало” (“Се прекрасные места...”). Кроме того, печатаются “Стихи к портрету г. Буало, соч. г. Руссо”, отразившие интерес Муравьева к формированию репутации французского классика, а также публикуется ранний вариант его “Опыта о стихотворстве”.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, Н. Буало, история русской литературы XVIII века, русско-европейские литературные связи.

The article is devoted to the translations of M.N. Muravyev from N. Boileau. The work is based on the poet's handwritten work, held in the Department of Manuscripts of the Russian State Library. We introduce 9 previously unpublished Muravyev's translations: “An Epigram of Boileau”, “An Epigram against the Abbot Cotin”, “An Epigram on the French Academy”, “From the Lectern”, “An Epigram from the Latin original”, “The Complaint to The Tuileries. From Boileau's works”, “An Epistle to the King”, “The Beginning of Boileau's Discourse to the King”, “The Blessed. From Boileau” (“Here are the charming places...”). In addition, we bring out “Poems to Boileau's Portrait by Rousseau” that shows Muravyev's interest in the formation of the reputation of the French classical author. Besides, we present an early variant of Muravyev's “Essay on Poetry”.

Key words: M.N. Muravyev, N. Boileau, History of Russian Literature of the 18th century, Russian-European Literary Connections.

Для цитирования: Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и Буало (по материалам Отдела рукописей РГБ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Том 78. № 2. С. 33–40.

For citation: Ivinskij, A.D. *M.N. Muravev i Bualo (po materialam Otdela rukopisej RGB)* [M.N. Muravyev and Boileau (On the Documents from the Department of Manuscripts of the Russian State Library)]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 2, pp. 33–40. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S241377150004953-1

Памяти А. М. Пескова (1953–2009)

Известны пять переводов М. Н. Муравьева из Буало, в сборник “Переводные стихотворения” (1773) он включил следующие тексты: “Епистола г. Буало к аббату де Рош”, “Епиграмма г. Буало Депрео” (“К чему, Котень! твои усилья, плач и крики...”), “Епиграмма того ж” (“Мне сделалась премена...”), “Епиграмма на Гомера” и “Соннет на смерть родственницы г. Буало Депрео” [1, с. 7, 19–20, 25–26]. В 1967 г. Л. И. Кулакова перепечатала вторую, третью и пятую пьесы из этого перечня [2, с. 281–282]. Она же дала общую характеристику этих первых переводов Муравьева:

“Переводы выполнены еще в Архангельске, Вологде, а может быть, и в Москве. Подбор стихотворений пестр и отражает вкусы не только самого Муравьева, но и его учителей. Здесь и явно начатые под руководством моралиста Шадена религиозные размышления немецкого поэта Брокеса, и анакреонтические оды Брентшена, и направленная против деспотизма ода Вольтера Фридриху II, отрывок из “Цинны” Корнелия, альбомные стихи Мадлены Скюдери, обязательный Буало и действительно интересовавший Муравьева Гораций. Качество переводов невысокое. Они представляют интерес лишь как первая проба пера” [2, с. 18].

Оставим в стороне оценочные суждения исследовательницы и остановимся на формулировке “обязательный Буало”, подразумевающей ученический характер этих переводов: Буало включался в ряд тех поэтов, работа с которыми необходима *начинающим* авторам — как один из первых шагов в постижении науки поэзии. Вместе с тем выходило, что Буало оказывался менее важен, чем Гораций, интерес Муравьева к которому признавался более серьезным и в этом смысле противопоставлялся его буалоизму.

Однако материалы, сохранившиеся в его рукописной “Записной книге”¹ (некоторые тексты из нее см.: [3, с. 62–71]; [4, с. 198–210]; об этом источнике см.: [5]; ср.: [4, с. 53–55]), говорят о том, что в литературном сознании Муравьева Буало был

вполне соизмерим с Горацием в качестве одного из важнейших образцовых авторов, и уже по этой причине обращение к нему не может быть объяснено только “школьными” задачами.

Показательно, что в “Записной книге” осталось еще девять неопубликованных муравьевских переводов из Буало, которые мы помещаем ниже, полагая, что они красноречиво свидетельствуют о стремлении Муравьева творчески освоить значительную часть корпуса текстов французского классика.

<1>

Епиграмма Г: <осподина> Буало

Ты говоришь что врач твой дядя чрез леченье,
Дало мне в скорби облегченье
Но сей твой вымысл лжив,
Я и теперя жив.²

<2>

Епиграмма против абб: <ата> Котеня

Вотще враги мои, мне тысящу гонений,
Своих посредством сочинений,
Старались пред очьми вселенной возбудить;
Котень, чтоб лучше мне вредить,
Опаснейший мне ков соорил,
Он мне стихи свои присвоил.³

<3>

Епиграмма Г: <осподина> Буало на Акад: <емию> франц: <узскую>

Я назвал всех тех вотяками,
Не ложно, те мои слова,
Которые вещей не зная существа,
Над древними теперь ругаются творцами,

² *Муравьев М. Н.* Записная книга. Л. 150б. Перевод эпиграммы Буало “Au mesme”: “Ton oncle, dis-tu, l’assassin, / M’a guéri d’une maladie. / La preuve qu’il ne fut jamais mon médecin, / C’est que je suis encore en vie” [7, vol. 2, p. 379].

³ *Муравьев М. Н.* Записная книга. Л. 150б. Перевод эпиграммы Буало “Sur une satire très-mauvaise que l’abbé Cotin avait faite, et qu’il faisait courir sous mon nom”: “En vain par mille et mille outrages / Mes ennemis, dans leurs ouvrages, / Ont cru me rendre affreux aux yeux de l’univers. / Cotin, pour décrier mon style, / A pris un chemin plus facile. / C’est de m’attribuer ses vers” [7, vol. 2, p. 384–385].

¹ *Муравьев М. Н.* Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 // ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1.

И Академия меж нами,
Имея дело с дураками,
Быть мнится сущая Мордва.⁴

<4>

Из Налоя Пес.<на>: П. Ст.<их>: 126

Увы! что сталося с тем временем щастливым;
Как ставил в честь себе, владыко быть ленивым,
[Прошел сей милой век: сердитых рок небес,
Неутомимаго царя, на Трон вознес]
На Троне засыпал, и принося мне дар,
Давал свой править скиптр <!>, рукам своих бояр?
Заботы век к его двору не приступали;
Покоились всю ночь, день целой просыпали,
Лишь только раз весной, как нежных былий мать,
Погодам запретит в долинах бушевать.
Четыре в ряд вола, долгопротяжным ходом,
Лениваго царя возили пред народом.
Прошел сей милой век: сердитых рок небес,
Неутомимаго царя, на Трон вознес.
Он презирует мя, он мне не угождает,
И всякой день, своих дел слухом разбуждает.⁵

<5>

Епистола к королю. Госп.<одина> Буало

Вотще я, Государь! с Сатирою прошался,
И впредь лишь для тебя, писати обещался,
Едва приму перо: се Феб, испужан весь,
Кричит: безумец! стой, куда стремишся днесь?
Изведал ли ты пасть, куда твой бег направлен?
Кончиною пловцев сей бурный понт прославлен.

⁴ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 16. Перевод эпиграммы Буало "Au sujet de l'Épigramme XIII qui commence par ce vers: Clio vint l'autre jour se plaindre au Dieu des vers": "J'ai traité de Topinamboux, / Tous ces beaux censeurs, je l'avoue, / Qui, de l'antiquité si follement jaloux, / Aiment tout ce qu'on hait, blâment tout ce qu'on loue, / Et l'Académie, entre nous, / Souffrant chez soi de si grands fous, / Me semble un peu Topinamboue" [7, 2, p. 410]. Ср.: эпиграмму Буало "Sur ce qu'on avait lu à l'Académie française des vers contre Homère et contre Virgile": "Clio vint, l'autre jour, se plaindre au dieu des vers, / Qu'en certain lieu de l'univers, / On traitoit d'auteurs froids, de poètes stériles, / Les Homères et les Virgiles. / " Cela ne saurait être, on s'est moqué de vous, / Reprit Apollon en courroux: / Où peut-on avoir dit une telle infamie? / Est-ce chez les Hurons, chez les Topinamboux? – C'est à Paris. – C'est donc dans l'hôpital des fous? – Non, c'est au Louvre, en pleine Académie" [7, vol. 2, p. 380].

⁵ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 25. Оригинал: "Hélas! qu'est devenu ce temps, cet heureux temps, / Où les rois s'honoroient du nom de fainéans, / S'endormoient sur le trône, et, me servant sans honte, / Laissoient leur sceptre aux mains ou d'un maire ou d'un comte? / Aucun soin n'approchoit de leur paisible cour: / On reposoit la nuit, on dormoit tout le jour. / Seulement au printemps, quand Flore dans les plaines / Faisoit taire des vents les bruyantes haleines, / Quatre bœufs attelés, d'un pas tranquille et lent, / Promenoient dans Paris le monarque indolent. / Ce doux siècle n'est plus. Le ciel impitoyable / A placé sur leur trône un prince infatigable. / Il brave mes douceurs, il est sourd à ma voix; / Tous les jours il m'éveille au bruit de ses exploits" [7, vol. 2, p. 212–213].

Легко б мне как другим лъзя было в пышну речь,
И Кесаря в полон и Александра влечь.
Тебя превыше взнестъ и Марса и Алкида.
Вручить тебе Босфор и не жалев чернил,
Султану предложить, чтоб он оставил Нил.
Но в похвале твоей, мне замысл благородной
Гласит, чтоб я не шел стезей простонародной.
Что всем почти творцам ручаясь по чреде,
И Феб бы трепетал, стать с ними на среде.⁶

<6>

Жалоба на Тюльери из Соч.<инений> Буаловых

Приятные сады, где шествие Авроры
Зефиры празднуют, где ликованье флоры⁷
Места прекрасныя, которых тайна сень
Приялищем была толь часто нежных пень.
Престаньте вспоминать душе ума отставшей
Минулы радости толь быстро пробежавшей.
Здесь было то, ах! здесь, при древней роще той,
Филиса в первой раз предстала предо мной.
Здесь часто зря меня смущатися готова,
Давала свет узреть, произнесеньем слова.
Толь кроткий взор ко мне из глаз ея сиял.
Ах етот взор один мне небо отверзал⁸.
А ныне, знаю я, участники измены!
Что в вашу сень мои злодеи сокровены
На ваших муравах и сидя подле ней
Печалью суетной возносятся моей.
Та бедственна рука вас коя насаждала,
Творенья хитрости несчастнаго Дедала!
Леса которы вкруг толь гордо встают,
Пустыней зрятся мне, где враны гнезды выют.
И адскою страной, где тысящами видны
В рожденье, матерей извясция ехидны.
1781. Ф.<евреля> 19⁹

⁶ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 28. Перевод начала "Épître I. Au Roi. Contre les conquêtes": "Grand roi, c'est vainement qu'abjurant la satire, / Pour toi seul désormais j'avois fait vœu d'écrire, / Dès que je prends la plume, Apollon éperdu, / Semble me dire: Arrête, insensé; que fais-tu? / Sais-tu dans quels périls aujourd'hui tu t'engages? / Cette mer où tu cours est célèbre en naufrages! / Ce n'est pas qu'aisément, comme un autre, à ton char, / Je ne pusse attacher Alexandre et César, / Qu'aisément je ne pusse, en quelque ode insipide, / T'exalter aux dépens et de Mars et d'Alcide, / Te livrer le Bosphore, et d'un vers incivil, / Proposer au sultan de te céder le Nil: / Mais, pour te bien louer, une raison sévère, / Me dit qu'il faut sortir de la route vulgaire; / Qu'après avoir joué tant d'auteurs différens, / Phébus même auroit peur s'il entroit sur les rangs" [7, vol. 1, p. 265–267].

⁷ Зачеркнутый вариант: "Зефиры резвятся летая подле Флоры".

⁸ Зачеркнутый вариант: "Сей взор безмрачное".

⁹ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 28об. Перевод стихотворения Буало "Plaintes Contre Les Tuileries": "Agréables jardins où les Zéphirs et Flore / Se trouvent tous les jours au lever de l'Aurore; / Lieux charmants qui pouvez dans vos sombres réduits, / Des plus tristes amants adoucir les ennuis, / Cessez de rappeler, dans mon âme insensée, / De mon premier bonheur la gloire enfin passée. / Ce fut, je m'en souviens, dans cet antique bois / Que Philis m'apparut pour la première fois. / C'est ici que souvent, dissipant

<7>

Эпиграмма с латинского оригинала Г.<господина> Буало

Когда суд говорит, сын сельского пристава,
На площади ж отец стоит сего глупца,
Не знаешь ты, зачем молчит людей орава,
Не сын ее дивит, боится лишь отца.¹⁰

<8>

Начало Буаловой речи к Королю

Младый и храбрый царь! в ком разум
просвещенной,
Не поздних лет есть плод, во старости рожденной,
Что без наперстника, подав след небесам,
Все сам собой творишь; и зришь собою сам,
Когда я, Государь! советом боязливым,
До селе о Тебе, быть мнился молчаливым.¹¹

<9>

Блажен. Из Буало

Се прекрасныя места,
Где душа моя прельщалась,
И все частно воображалась
Мне Сильвии красота
Как она была прекрасна!
И дума моя ей страстна!
Ты при имени ея,
Сердце нежно воздыхаешь,
Или ты позабываешь,
Что она уж не твоя?¹²

mes alarmes, / Elle arrêta d'un mot mes soupirs et mes larmes. / Et que me regardant d'un oeil si gracieux, / Elle m'offrait le ciel, ouvert dans ses beaux yeux. / Aujourd'hui cependant, injustes que vous êtes, / Je sais qu'à mes rivaux vous prêtez vos retraites, / Et qu'avec elle assis sur vos tapis de fleurs, / Ils triomphent contents de mes vaines douleurs. / Allez, jardins dressés par une main fatale, / Tristes enfans de l'art du malheureux Dédale, / Vos bois, jadis pour moi si charmants et si beaux; / Ne sont plus qu'un désert, refuge des corbeaux; / Qu'un séjour infernal où cent mille vipères, / Tous les jours, en naissant, assassinent leurs mères" [7, vol. 2, p. 434–435].

¹⁰ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 33об. Перевод латинской эпиграммы Буало — "Epigramma In novum Caussidicum rustici pectoris Filium": "Dum puer iste fero natus lictore perorat, / Et clamat medio, stante parente, foro; Quaeris quid sileat circumfusa undique turba? / Non stupet ob natum, sed timet illa Patrem" [7, vol. 2, p. 468].

¹¹ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 36об. Перевод начала произведения Буало "Discours au Roi": "Jeune et vaillant héros, dont la haute sagesse / N'est point le fruit tardif d'une lente vieillesse, / Et qui seul, sans ministre, à l'exemple des dieux, / Soutiens tout par toi-même, et vois tout par tes yeux, / GRAND ROI, si jusqu'ici, par un trait de prudence, / J'ai demeuré pour toi dans un humble silence" [7, vol. 1, p. 3].

¹² Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 38. Оригинал — "Vers à mettre en Chant": "Voici les lieux charmants où mon âme ravie / Passait à contempler Sylvie. / Les tranquilles moments si doucement perdus! / Que je l'aimais alors! Que je la trouvais belle! / Mon coeur, vous soupirez au nom de l'infidèle! / Avez-vous oublié que vous ne l'aimez plus? / C'est ici que souvent errant dans les prairies, / Ma main des fleurs les plus chéries / Lui faisait des présents si tendrement

Приведем также перевод стихотворения Ж.-Б. Руссо "Стихи к портрету г. Буало", свидетельствующий уже не только об интересе Муравьева к самому Буало, но и к его литературной репутации; вместе с тем, выбрав для перевода стихи, написанные о Буало одним из его почитателей, Муравьев красноречиво обозначил свое к нему отношение, как минимум не противоречащее принципиально позиции Руссо.

Стихи к Портрету Г.<господина> Буало, соч. Г.<господина> Руссо

Он мужем был навет разрушен лести злой,
В творениях его ложь всюду изъязвлена,
И почесть навсегда достоинству явлена;
Отменный стих его порока был хулой,
Чем добродетели хвалой.¹³

Тексты эти различны по объему, проблематике, жанру. Так, среди них есть и эпиграммы, и эпистола, и начало "Речи к королю", и отрывок из "Налоя".

Как отметил В.Н. Топоров, "Муравьев уже в юношеском (по сути дела) возрасте довольно основательно познакомился с произведениями Буало в разных жанрах и сделал <...> около трех десятков проб в их переводах. Некоторые из них вполне на уровне тогдашних переводов" [6, с. 55]¹⁴.

Однако публикуемые нами тексты, за одним исключением, не имеют дат, а единственный датированный автором относится к 1781 г. (<6>: "Жалоба на Тюльери...").

Это с очевидностью означает, что интерес Муравьева к творчеству Буало не может быть ограничен только "ученическим" периодом его творчества. В данном случае к Буало обращается уже зрелый мастер.

Далее, перед нами не просто переводы, французские стихи были "переложены на наши нравы" или, по крайней мере, адаптированы к ним; для того чтобы читатель мог в этом убедиться, мы во всех случаях поместили под строкой оригинальные тексты. Наиболее показательный при-

reçus. / Que je l'aimais alors et comme elle était belle! / Mon coeur, vous soupirez au nom de l'infidèle! / Avez-vous oublié que vous ne l'aimez plus? [7, vol. 2, p. 314].

¹³ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 52. Оригинал — "Vers pour mettre au bas du Portrait de M. Despréaux": "La vérité par lui démasqua l'artifice; / Le faux dans ses écrits partout fut combattu: / Mais toujours au mérite il sut rendre justice; / Et ses vers furent moins la satire du vice / Que l'éloge de la vertu" [8, p. 234–235].

¹⁴ В.Н. Топоров знал о "Записной книге" по описанию Л.И. Алехиной, но сам с данной рукописью не работал.

мер — стихотворение <3>. Очевидно, что “вотяки” и “мордва” — герои именно русского перевода, а не французского источника.

Своими переводами Муравьев включался в традицию русских переводов Буало. Так, текст <8> может быть интерпретирован как отклик на перевод А.Д. Кантемира [9, с. 335–339]. А текст <4>, возможно, объясняется тесными контактами Муравьева с В.И. Майковым: последний, как известно, сам переводил “Налой” [10, с. 144–153].

В муравьевских переводах из Буало преобладает эпиграмма — жанр, переживавший в XVII–XVIII вв. период расцвета¹⁵. Обращение к литературной “мелочи”, рассчитанной одновременно на тонкий вкус, светское остроумие и эрудицию, много говорит о культурной позиции Муравьева. Своим образованием и воспитанием он был человеком “классической словесности”, о чем часто забывают, когда пытаются подчеркнуть предромантические тенденции его творчества.

В этом отношении, как кажется, наиболее показательен перевод <2>. Буало, как известно, высмеивал аббата Ш. Котена не только в данной эпиграмме, но и в “Поэтическом искусстве”. Мольер же вывел его в образе поэта Трисотена в “Ученых женщинах” [11, с. 360]. Соответствующим образом, перевод данной эпиграммы свидетельствует о понимании ее значения в истории “французского классицизма”, а вместе с тем и о его восприятии как сохраняющего актуальность.

* * *

В “Записной книге” мы находим не только новые тексты, но и новые редакции произведений, давно известных. Так, одно из наиболее важных для нашей темы произведений — “Опыт о стихотворстве”. А.М. Песков указал, что “Опыт о стихотворстве” Муравьева «является едва ли не самым тщательным после епистолы “О стихотворстве” подражанием “Поэтическому искусству” Буало» [10, с. 34]; анализ данного произведения см.: [10, с. 34–41]. Л.И. Кулакова опубликовала его с пометами “1775, 1780” [2, с. 131–136]. Количество расхождений между опубликованной ею редакцией

“Опыта о стихотворстве” и текстом в “Записной книге” столь велико, что считаем необходимым привести его полностью:

Опыт о стихотворстве

О! вы, чей пылкий дух и несозрелы лета,
Пленяются мечтой и званием Поэта!
Которых к Музам страсть есть страсть души моей,
Позвольте, юноши! мне к вам гласить об ней.
Как жаждаща земля, что влажности желает,
Горящая душа по всякий час пылает.
Коль чувствуешь восторг, дух рвением возжен,
Дерзай петь: Аполлон не будет раздражен.
Но прежде недель ты возьмешь какой бремя,
Способности свои изследуй долго время.
Природою к тому поставлен всем предел,
И сила склонностей, причиной наших дел.
Представьте вы себе прославившихся Россов:
Военною трубой Петра пел Ломоносов,
Безсмертным гласом он Героев прославлял,
А Сумароков стон Ильменин изъяснял,
Тирсиса пел в свирель, творя пастушке пеню,
И в притчах стал своих соперник Лафонтеню.
Херасков возглашал морской Чесмесской бой,
Прославлен Лирою, Котурном и трубой.
Елесью Майков пел, красясь издевкой слога,
И с пленной сродницей стонал Палеолога.
Один любовну страсть умеет изъяснить,
Другой сердца мужей ко брани вспламенить.
Каких красот искать и убежать пороков,
С Горацием скажут вам Детро и Сумароков.
В учениях вы их старайтесь почерпать,
Как должно с похвалой по их стезям ступать.
Любите здравый смысл: пленяйтесь простотою,
Она должна стихов быть ваших красотою.
Не надобно, чтоб стих был пышен и надут:
Излишества отнюдь красы не придают.
Садовничья рука, корень древа орошает,
Но бесполезного верх листвия лишает.
Брегитесь сверх мер в подробности вникать,
Что сказано чрез чур, не может привлекать.
Творец, что не умел границ себе поставить,
Не мог себя во век писмом своим прославить.
Но прежде нежели что предпримешь воспевать,
С предметом должно мысль и слог согласовать...
Хотя любимец Муз все вымышлять свободен,
Но вымысл сей всегда быть должен с правдой

сходен.

Не представляй мне брань, как представляют мир,
Чтобы я не почел Борей твой за Зефир.
Умей располагать: одной доволен целью,
Коль зачал ты трубой, не окончай свирелью.
Всему свою чреду и чин определи,
Из всех частей одно составь и не дели.
Слог должен быть всегда сердца тронуть удобен,
Быстр, плавлен и реке прозрачной подобен.
Без пользы будет речь кудряво сложена,
Когда не свойствен склад; иль мысль ея темна;

¹⁵ Как справедливо отметил А. Михайлов, «хотя считается, что в “великое” столетие эпиграмма пребывала в “хаотическом состоянии”, переживая если не прямой упадок, то несомненное измельчение и расшатывание формы, на деле все было совсем иначе: эпиграмма пышно расцвела, оттачивала свои приемы, привлекла внимание таких значительных поэтов, как Пьер Корнель, Поль Скаррон, Франсуа Менар, Жан де Лафонтен. Недаром Буало сердито констатировал в “Поэтическом искусстве” неудержимое проникновение стихии шуток, каламбура, вообще эпиграмматичности в другие жанры» [11, с. 17–18].

Догадкой все постичь, чтецу не будет мочи,
Пусть мысль разит умы, как солнце наши очи¹⁶.

Перед нами ранняя редакция “Опыта о стихотворстве”. Об этом со всей очевидностью говорит язык стихотворения. Если сравнить текст, напечатанный Л.И. Кулаковой с приведенным выше, выяснится, что основная тенденция переработки последнего — упрощение языка: Муравьев убирал ненужные архаизмы (“верх листвия”, “корнь”, “садовничья” — “вершину листвия”, “корень”, “садовник” и др.), устаревшие синтаксические конструкции (“прежде нежели что”). Но к этому специфика публикуемого нами текста не сводится: наряду со стилистической Муравьев осуществлял смысловую правку. Так, в варианте из “Записной книги” упоминаются Херасков и Майков, а в тексте, опубликованном Л.И. Кулаковой, их нет. Почему? Обратимся к переписке писателя.

В сохранившихся письмах писателя к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой в 1776 г. Майков и Херасков упоминались неоднократно. Муравьев воспринимал их как покровителей. Вот отрывок из в высшей степени показательного письма Муравьева от 28 ноября 1776 г.: “Я уже говорил Барсову с начала, чтобы мне хотелось представить их обществу маленькое сочинение и он говорит, что с охотою примут. Я выжидаю времени, покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем <текст испорчен> уже и воспользоваться силою Майкова и Хераскова”¹⁷. Приведем еще несколько примеров. 22 ноября 1776 г.: “А теперь думаю ехать к Василию Ивановичу Майкову. Не знаю застану ли”¹⁸. Через два дня: “Тот день, как я к вам писал, поехал вечером к Василию Ивановичу Майкову, которой приказывает вам своё почтение. Он меня принял по прежнему хорошо. У него стоит Аполлон Андреевич Волков, которые собирались тогда в Клоб, которого Василий Иванович Майков директором. Он же заводит Концерт”¹⁹. И далее в том же письме:

“Оттуда поехал было я к Петру Алексеевичу Протопопову за Москву реку; да его дома не застал. От него к Василию Ивановичу обедать: у него застал Десницкого и Афонина, профессоров, которых он заставил, одного живущаго с ним офицера, читать перевод своих превращений. Весь вчерашний день провели мы в чтении, и я читал после

Василью Ивановичу несколько из своей Трагедии и он просил меня еще приехать с нею. По утру нынче это праздник. <...> От него поехал я к Хераскову, которого приемом, я чрезмерно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стихи к нему, которые у меня видал, расспрашивал у меня, что я делаю, разговаривал и рассуждал со мною, с такою ласкою и кажется откровенностию, что я довольно благодарить не могу. Просил меня к себе отобедать: уж в приезд мой, в самой тот же день, как я приехал, знал через Афонина, которому видно, сказывал Антон Алексеевич. Обедал я нынче у хозяина. <...> Маскерады здесь не начались, а Театр закрыт. Нынче Херасков сказывал, что он откроется 11 числа Декабря его опереттою, и после представят Мстислава и закроют опять. <...> Я завтра буду обедать у Майкова, а послезавтра у Хераскова”²⁰.

28 ноября Муравьев вновь рассказывал отцу о своем общении с Майковым, Херасковым, первых успехах в этом обществе:

“Нынешний день, обедал я у Василия Ивановича, а третьего дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего Болеслава и переводных Елегий Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович, в стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Елегии мои ему очень нравятся и ему бы хотелось чтоб мой перевод был внесён в общество а не Рубанов, которого он не любит. Завтре ввечеру буду у него, и он мне обещал читать свою Руссиаду <так!>, Епическую поему, которой уже готовы восемь песней, а всего будет двенатцать. Он ее четыре года уже делает. А недели через две последует в Петербург. <...> Я уже говорил Барсову с начала, чтобы мне хотелось представить их обществу маленькое сочинение и он говорит, что с охотою примут. Я выжидаю времени, покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем <текст испорчен> уже и воспользоваться силою Майкова и Хераскова. Впрочем и Барсов ко мне очень благосклонен. Я думаю где <?> напечатать, маленькое собрание од и пр. <...> Матушка, голубушка сестрица! голубушка, je baise ta main, je prens ta lettre, car je mets la plume à <лист надорван> sur la table... je la baise, ta lettre. C’est toi qui <лист надорван> et je t’aime матушка. Чтож я тебя новенькое напишу? Что я завтра буду буду читать Руссиаду; это я писал. Мих: <аил> Матвеевич требует, чтобы я сказал своё мнение, как он мне своё, je defere, dit-il, trop, <лист надорван> jugemens des jeunes gens. Я обедал у них с Елисаветой Васильевной: c’est sa femme, qui est aussi <нрзб> et on raisonna serieusement à la table, et sur <нрзб> donc? sur Semire. A propos Voltaire a donné des remarques critiques sur Semire, il

¹⁶ Муравьев М.Н. Записная книга. Л. 78.

¹⁷ Муравьев М.Н. Письма к отцу Н.А. с приписками к сестре Ф.Н. 1776. Ноябрь-декабрь // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Ч. 746. Л. 5–50б.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 3–4.

l'analyse, il fa<ut?> voir les beautés de la Tragédie et quelques défauts. <нрзб> Характер Оскольдов, по Волтерову не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могши спастъ жизнь свою унижением перед <нрзб>, лучше хочет умереть нежели пасть перед <нрзб>а после, хочет избавление свое из темницы <нрзб>, подлости, обману и любви сестриной. Я не <нрзб> но купил последнюю Волтерову Трагедию Les Loix de Minosou Asterie. Слабехонька! Она делана в 1773”²¹.

Как видим, Муравьев хорошо знает, как складывается работа Хераскова над “Россиейдой”, и последний рассматривает его как поэта, способного оценить величие замысла и красоту исполнения. Муравьев думает о печатании своих од и при этом обнаруживает хорошее знакомство с литературным миром. Он независимо и нелепеприятно, но при этом, насколько можно понять из плохо сохранившегося письма, вполне согласно с Херасковым судит и о Вольтере, и о Сумарокове.

Теперь вернемся к тексту, опубликованному Л.И. Кулаковой. Получается, что в 1780 г. Муравьев снял упоминания о тех, на кого он возлагал столько надежд. Естественно предположить, что в его отношениях с ними наметился какой-то внутренний конфликт или как минимум разлад²². Косвенным подтверждением данного предположения является письмо В.В. Ханькова к Муравьеву, в котором с откровенностью давней дружбы дается нелестный отзыв о “Российде”, отчасти предвосхищающий те оценки херасковской поэмы, которые станут общим местом в 1810-х гг.:

“Вчера я получил Российду, прочитал я оной по сию пору только 3 песни. Сколько я мог из оного по понятию своему заключить: она писана с силою и красотою стихов, что мало таковыя по русски находится. В некоторых местах упадет мастерство писать стихи, но не поведения поемы. Черты картин часто натянуты, мрачныя, слабыя. Нет genie. Повсюду явствует работа и труд. Со всем тем сочинение наполненное красотою, и которое считаю первым монументом российской поэзии, коей делает оно честь. Я нахожу его лучше нежели ждал. Осмелился я сообщить тебе сие моё мнение, может быть оно только самого меня унизит”²³.

²¹ Там же. Л. 5-6.

²² Ср.: “Мягкий добросердечный Муравьев всегда оказывал вроде бы пассивное, но упорное сопротивление тому, что не приходилось ему по душе. Близость к Хераскову и Новикову сказались в постановке Муравьевым морально-этических проблем, и только...” [2, с. 20].

²³ Ханьков В.В. Письма к моему другу Мих.<аилу> Ни.<китичу> <Муравьеву> в самой молодости // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Ч. 483 б. (Бумаги М.Н. Муравьева). Л. 14.

Так обстоит дело с Херасковым. Об отношениях Муравьева с Майковым в это время мы почти ничего не знаем. Однако вряд ли ошибемся, если предположим, что Майков в 1780-е гг. казался Муравьеву автором, потерявшим свою актуальность.

Все это вместе взятое, т.е. и переводы из Буало, и сложная история отношений Муравьева с Херасковым и Майковым, развивавшаяся в направлении от первоначального сближения к последующему охлаждению (вряд ли слишком резкому), неминуемо обращает нас к вопросу о литературной позиции Муравьева.

Г.А. Гуковский в 1930-е гг. назвал Муравьева в ряду “основателей” русского сентиментализма [12, с. 268–298]; затем к этой мысли неоднократно возвращались исследователи, связывая его творчество с новыми идеями и принципами “предромантизма”. В этом смысловом поле, как известно, оказывалось возможным сближение его с Херасковым и с Карамзиным.

Но не менее важной является связь Муравьева с традицией классической европейской поэзии. Казалось бы, один из теоретиков так называемого “классицизма” должен был бы потерять актуальность в последней четверти XVIII в. (см.: [10, с. 6–10]). Однако этого не происходит. Наоборот, Муравьев много его переводит, и уже из этого факта следует, что в его литературном сознании авторитет Буало, одного из важнейших для него европейских классиков, остается непоколебленным.

Все дело, насколько можно понять, в специфике муравьевского наследия — в рукописях осталось текстов значительно больше, чем было напечатано. И если основываться только на последних, “предромантическая” “установка”, действительно, может показаться более или менее очевидной. А при обращении к рукописным материалам становится понятно, что муравьевские эксперименты и поиски нового занимали скромное место среди переводов и подражаний “классикам” — как античным, так и европейским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Муравьев М.Н.* Переводные стихотворения. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1773. [6], 32 с.
2. *Муравьев М.Н.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста. и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967. 386 с. (Б-ка поэта, бс).
3. *Ивинский А.Д.* О драматургии М.Н. Муравьева (по материалам ОР РГБ и ОПИ ГИМ) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 3. С. 62–71.

4. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.
5. Алехина Л.И. Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 49. М.: Книга, 1990. С. 4–87.
6. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
7. Boileau N. Œuvres. T. 1–5. Paris, 1747.
8. Rousseau J.B. Œuvres. Paris, 1820. T. 1.
9. Кантемир А. Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф.Я. Приймы; подг. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. 546 с. (Б-ка поэта, бс).
10. Песков А.М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М.: Изд-во Московского университета, 1989. 176 с.
11. Михайлов А. Три века французской эпиграммы // Французская классическая эпиграмма. М.: Художественная литература, 1979. С. 4–37.
12. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л.: Гос. изд-во “Художественная литература”, 1938. 315 с.
- in Literature and Language]. 2018, Vol. 77, No. 3, pp. 62–71. (In Russ.)
4. Ivinskiy, A.D. M.N. Muravev i A.P. Sumarokov (po materialam OPI GIM i OR RGB) [M.N. Muravyev and A.P. Sumarokov (on the Materials from the Department of Manuscript Sources of the State Museum of History and the Manuscript Department of the Russian State Library)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology]. 2018, No 2, pp. 198–210. (In Russ.)
5. Alekhina, L.I. *Archivnyye materialy M.N. Muravyova v fondah Otdela rukopisej* [Archival materials of M.N. Muravyov in the funds of the Department of Manuscripts]. *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina* [Notes of the Department of Manuscripts of the Lenin State Library of the USSR]. Moscow, 1990, Issue 49, pp. 4–87. (In Russ.)
6. Toporov, V.N. *Iz istorii russkoj literatury. T. 2. Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikacii. M.N. Muravyov: Vvedeniye v tvorcheskoye naslediye* [From the History of Russian literature. Vol. 2. Russian Literature of the Second Half of the XVIII century: Studies, materials, publications. M.N. Muravyov: An Introduction to the Creative Heritage]. Book 1. Moscow, 2001. 912 p. (In Russ.)
7. Boileau, N. Œuvres. T. 1–5. Paris, 1747.
8. Rousseau, J.B. Œuvres choisies. Paris, 1820, T. 1.
9. Kantemir, A. *Sobranije stihotvorenij* [Collection of Poems]. Leningrad, 1956. 546 p. (series *Biblioteka poeta*). (In Russ.)
10. Peskov, A.M. *Bualo v russkoj literature XVIII – pervoj treti XIX veka* [Boileau in Russian Literature from the XVIII – the First Third of the XIX Century]. Moscow, 1989. 176 p. (In Russ.)
11. Mihajlov F. *Tri veka francuzskoj epigrammy* [Three Centuries of French Epigram]. *Francuzskaja klassicheskaja epigrama* [French Classical Epigram]. Moscow, 1979, pp. 5–37. (In Russ.)
12. Gukovsky, G.A. *Ocherki po istorii russkoj literatury i obschestvennoj mysli XVIII veka* [Essays on Russian Literature and Social Thought of the XVIII Century]. Leningrad, 1938. 315 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Muravyev, M.N. *Perevodnyye stihotvorenija* [Translated Poems]. St. Petersburg, 1773. [6], 32 p. (In Russ.)
2. Muravyev, M.N. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad, 1967. 386 p. (series *Biblioteka poeta*). (In Russ.)
3. Ivinskij, A.D. *O dramaturgii M.N. Muraveva (po materialam OR RGB i OPI GIM)* [To the Dramatic Heritage of M.N. Muravyov (on the Materials of the RSL and OPI GIM)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies